

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ

КРОНЕБЕРГЕР М.А.

(Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия)

УДК 821.161.1-1(Есенин С. А.)

ГЕРОИ-РАЗБОЙНИКИ И ПОЭТИКА «РАЗБОЙНИЧЬИХ СЮЖЕТОВ» В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА: ОТ ЛИРИЧЕСКИХ СТИХОТВОРЕНИЙ ДО ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Аннотация. В статье рассмотрены образы героев-разбойников и парадигма «разбойничьих сюжетов» в творчестве С. А. Есенина. Анализ стихотворений «Разбойник» (1915), «Песня старика разбойника» (1911-1912) позволяет утверждать, что в первый период творчества поэт с опорой на фольклорную традицию обращается к образу разбойника-удальца. Далее, в произведениях «В том краю, где желтая крапива» (1915), «О, Русь, взмахни крылами...» (1917), «Хулиган» (1919) этот тип трансформируется в образ поэта-хулигана, бросающего вызов традиционному миропорядку. Кроме того, можно выделить и третий тип героя-разбойника, обусловленный соединением драматического и эпического начал: Хлопуша в поэме «Пугачев» (1921) представляет собой образ романтизированного стихийного бунтаря, близкого настроениям самого автора. Поэтика «разбойничьих сюжетов» исследуется в связи с особенностями хронотопа разбойничьих сюжетов и фольклорной символикой в структуре произведений, концептами «свобода» и «воля» как основополагающих мировоззренческих представлений, сложившихся в народной культуре (А. Вежицкая). Их трансформация приводит к смене жанра в форме лирических стихотворений и драматической поэмы. На основе анализа и интерпретации делается вывод о развитии творческого интереса Есенина к феномену разбойничества и смене авторской точки зрения в ее оценках.

Ключевые слова: разбойники; литературные сюжеты; лирические жанры; стихотворение; драматические поэмы; поэтическое творчество; русская поэзия; русские поэты.

Понятие *разбойничий сюжет* выделилось в эпоху романтизма, поскольку данный период ознаменовался продвижением культа ценности свободы и сильной личности, противопоставленной обществу. Особую популярность он получил в русской литературе, что связано с ментальными особенностями: мироощущение русского человека четко прослеживается в стремлении к безграничному простору и в утверждении этой ценности в жизни. Отметим, что применительно к мотивам «свобода» и «воля» мы будем использовать понятие «концепт», связывающий и языковую семантику, и художественное наполнение. А. Вежбицкая определяла *концепт* как «объект идеального мира, имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире действительном» [Вежбицкая 2001: 31]. В частности, в концепт «свобода» А. Вежбицкая включает значения: отсутствие «ограничений» или «стеснений», «легкость» и «непринужденность», стихийность, отсутствие «дисциплины» в политической сфере [Вежбицкая 1999: 454–458]. Она отмечает и ментальное наполнение этого концепта в русском языке, содержащееся в слове *воля* как смелое, дерзкое существование вне законов. По мнению А. Вежбицкой, *воля* имеет *особую русскую семантику*: 1) она связана с пространственной характеристикой, это «пространственная свобода», 2) «жизнь не в заключении», 3) «жизнь по желанию», 4) «мечта о том, чтобы бежать оттуда, где тебя удерживают против твоей воли» [Вежбицкая 1999: 461–464]. Именно эти концепты являются важными составляющими разбойничьего сюжета в русской литературе. В частности, одним из первых проецирует данный сюжет на национальную почву А. С. Пушкин.

В XX веке интерес к разбойничьей теме вновь возрастает, что связано с предреволюционными и революционными событиями. В частности, в это время С. А. Есенин создает колоритные образы бунтовщиков. В нашу задачу входит рассмотреть типологию есенинских героев-разбойников и поэтику разбойничьих сюжетов в связи со смелой авторской позицией, которая приводила, к тому же, к смене жанровых форм воплощения темы: от лирических стихотворений до драматической поэмы.

Уже в начале творческого пути С. А. Есенин обращается к персонажам из национальной среды: в стихотворениях «Разбойник», «Песня старика разбойника» центральный герой – лихой разбойник, чье существование неотделимо от утверждения ценности свободы. *Это герой, связанный с народом и гармонично вписанный в русский уклад жизни.*

Неслучайным становится то, что лирические тексты, в буквальном смысле, пронизаны *фольклорными художественными образами*.

Наиболее ярко фольклорное начало реализуется в стихотворении **«Разбойник» (1915)**: хорей, которым написано произведение, связан с традицией народной песни, неслучайно лирический герой исполняет залихватскую песню, близкую частушке. В ее структуре и художественном наполнении прослеживается главная ценность для лирического субъекта – свобода как отсутствие каких-либо ограничений. Данный мотив реализуется и в хронотопе: лирический герой появляется в открытом природном пространстве среди косогоров и перелесиц, он – «ухват» (как себя называет сам), «рыцарь с большой дороги».

Свобода и воля для лирического героя – ценностные ориентиры, можно даже сказать, культуроспецифичные для русского человека. В таком контексте неслучайным оказывается то, что есенинский текст в буквальном смысле насыщен фольклорными образами и формулами, как например, «стухнут звезды», «стихнет песня», а также врывающейся в текст с первого слова стихией народной речи: *перелесицы, косогор, кистень*, – лексика, характерная для крестьян, создает атмосферу народного уклада жизни. В таком случае задор, с которым герой обкрадывает людей, ловкость и искусство его цепких рук открывает читателю разбойника из народа, выражающего себя через русскую бойкую *песню*.

В **«Песне старика разбойника» (1911–1912)** Есенин рисует иной образ героя-удальца, причем авторская точка зрения на героя и его «опасный промысел» дана уже в названии: первое слово указывает на жанр, в соответствии с которым будет выстроен ход лирического переживания, вторая лексема – на возраст и, как следствие, на жизненный путь лирического героя, третья – на социальную роль. Таким образом, автор уже в заглавии определяет место лирического героя в жизни: он сначала *старик, а уже потом разбойник*.

Действительно, в первой строке стихотворения появляются образы «угасшей молодости» и увядшей красоты, символизирующие безвозвратно ушедшую юность героя, его прошлое, противопоставленное настоящему, в котором удаль и сила его покинули. С тоской вспоминая о том, как в былые времена он «пятерых сшибал дубиной», в настоящем он горько «плачется судьбиной»: на смену проворству, веселью пришли хилость и старость; все, что было смыслом жизни, теперь превратилось лишь в воспоминание. В таком отношении переживания героя, строящиеся по принципу антитезы прошлого и настоящего, усиливающиеся лексическими повторами и анафорами, добавляют

монологу элегическую тональность. Это не просто открытие внутреннего мира героя, его оценка своего существования с выходом на утраченные иллюзии, это тоска по молодости.

Формой выражения эмоций, чувств героя является жанр *песни*, обуславливающий установку на мелодичность: ямб, которым написано стихотворение, – песенный метр, определяющий лирический настрой. Кроме того, песня издавна считается одним из основных способов самовыражения: своими корнями она уходит глубоко в фольклор. Но не только песенное начало является ярким фольклорным элементом, но и появляющиеся образы дубины, судьбы, сплетаемые в рифму лирическим субъектом так, что рождается ощущение их взаимосвязанности: сейчас, в старости, судьба для героя обернулась злосчастной дубиной. В результате – потеря силы для него равносильна медленной смерти. Ко всему прочему такие устойчивые, закрепившиеся в сознании сочтения, как «тоска сосет», «грусть сердце точит», дисгармония, основанная на невозможности вернуться к лихому разбою: имея старое тело, лирический герой продолжает жаждать свободы, утверждает ценности, отражающие его укоренённость в народной стихии.

Можно сделать вывод, что герой-разбойник ранней лирики Есенина близок к народу, он не мыслит жизни вне воли. Более того, он – воплощение *самобытной русской стихии: неслучайно художественный мир произведений проникнут фольклорными мотивами.*

Первая Мировая и Гражданская война, революция и ее последствия, – те исторические события и процессы, которые породили создание нового типа героя-бунтаря. *На смену фольклорному персонажу приходит разбойник-поэт.*

В стихотворении **«В том краю, где желтая крапива...» (1915 г.)** лирический герой, наблюдая за ссыльными каторжниками, влюбляется в их печальные взоры, вдохновляясь их страданием и горькой судьбой: стать убийцами и ворами им предназначено свыше. Люди становятся преступниками по воле рока, поэтому в есенинском тексте они сохраняют человечность: через подчеркивание простоты сердец, смирения, с которым они, избранные, идут на испытание в кандалах, заявлена *романтическая установка, обуславливающая элегическую тональность*, которой проникнуто стихотворение. Примечательно, что, говоря о ссыльных, лирический герой подчеркивает, что они, несмотря на преступление, сохранили свою человечность. Это выражено не только на лексико-семантическом, но и синтаксическом уровне: лирический герой видит идущих по дороге «людей», затем только дополняя, что это «люди в кандалах» [Есенин, т. 1: 68].

Как уже было отмечено выше, каторжники преступают закон, потому что на то есть не их собственное желание, а предназначение свыше, именно поэтому они сохраняют сердца «простыми» и чистыми, а лирический субъект и вовсе оправдывает их: он понимает, что на месте ссыльных может оказаться каждый, в том числе и он сам. Лелея мечту о «чистоте сердца», герой понимает, что если и ему предназначено судьбой стать преступником, он станет им: «Но и я кого-нибудь зарежу под осенний свист...». Воспламененное сердце чуткого героя уже рисует картины, как он в будущем может смириться так же, как и ссыльные: в данном случае примечателен хронотоп, поскольку лирический герой шел бы той же дорогой в Сибирь, по тому же песку.

Но в этом принятии судьбы (даже если это судьба разбойника) кроется жизнеутверждение: представляя себя с распрявленной грудью и улыбкой, лирический герой понимает, что он может быть одним из избранных, кому досталось высокое предназначение «полюбить тоску». А прожитый путь «языком залижет непогода».

Избранность лирического героя, заключающаяся в его особой миссии, показана и в стихотворении «**О Русь, взмахни крылами...**» (1917), в котором лирический герой-поэт является носителем новых творческих установок. Так, стихотворение построено на композиционном контрасте, влекущем за собой и противопоставление на уровне художественных образов. С одной стороны, текст насыщен исконно русской лексикой, словами из народно-поэтической речи, как например, «крепь» «златая», «ряднина», «краюха», «молва» [Есенин, т. 1: 109] и т. д. Немаловажно и использование автором в стихотворении словарного пласта из религиозной сферы, определяющего и образы системы персонажей. Так, например, Алексей Кольцов облачен в «золотую ряднину» (символ принадлежности к духовному чину), в его руках – «краюха хлеба», а «уста» напоминают вишневый сок (такие детали внешности отсылают к событию Причастия, где именно хлеб и вино символизируют Плоть и Кровь Спасителя). Более того, небо над героем «возвездило пастушеский рожок»: в Евангелии Христа называют «пастухом», ведущим за собой «стадо», то есть людей; в данном случае Есенин подчеркивает избранность героя, который проповедует крестьянские поэтические идеалы в мир. Отметим в таком случае развитие в произведении темы судьбы, которая «накладывает» на героев определенный образец поведения. В частности, можно говорить о том, что Кольцов *воплощает в себе образ пророка*: возвестителем патриархальных идеалов ему было определено стать свыше. Кроме того, для изображения «брата» лирический герой также использует сакральную

лексику («пасха», «монастырские врата», «смиранный» и др.): *Клюев, как и Кольцов, являются проповедниками крестьянского быта и уклада жизни.*

На контрасте строится образ лирического героя: кудрявый, веселый, «разбойный я», – герой о себе говорит в сниженном контексте. И это не случайно: «новокрестьянские поэты» Клюев и Кольцов с патриархальным мировоззрением на судьбу деревни и России противопоставлены лирическому герою, поднимающемуся из-за взгорья. Такой не только художественный, но и композиционный контраст дает понимание того, что на место патриархальной Руси и ее певцов приходит *новый поэт – лирический герой, который уже ведет тайный спор с Богом*, бросает нож в небо, сшибает камнем месяц. Бросая вызов Богу (Который, кстати, написан со строчной буквы – *бог*), лирический субъект предстает *разрушителем норм*, причем не только религиозных и этических, но еще и поэтических. Примечательно, что он ведет за собой *кольцо* (других поэтов): в данном случае лексема является аллюзией на образ Кольцова (на основе их фонетической близости), что определяет и смысловую наполняемость текста: Кольцов уходит в прошлое вместе с патриархальной деревней и Россией, на смену ему приходит лирический герой, ведущий за собой «незримый рой других».

В таком случае, *разбой лирического героя – это бунт против традиционных ценностей*, с которыми связаны ушедшие в прошлое «смердящие сны и думы». Он, как и кольцо идущих за ним других поэтов, является частью великой рати: бойким стихом, словообразованием, книготворчеством он воплощает в себе проповедника уже качественно иного мира. Чтобы Россия «взмахнула крылами», ей нужны новые идеалы, новые имена, способные воспеть «иную степь».

Разбойника-хулигана рисует Есенин в одноименном стихотворении («**Хулиган**», 1919), которое можно условно разделить на 3 части: заявление лирического героя о своем стремлении к дебоширству, параллелизм безудержного ветра и бесшабашного героя, хулиганство в стихах.

Так, о *родстве природной стихии и героя* говорится уже в первом четверостишии: для лирического субъекта ветер не гонит облака, не раскачивает деревья, а плюется охапками листьев. Вдохновленный хулиганским порывом и ощущающий близость своих устремлений к бунтарской свободе, он уподобляется резвому шквалу.

Любовь лирического героя к буре, полночи, способной зажечь «луны кувшин», тяга к таинственной «черной жути» и «кипяченой рати черемух» разворачивается во второй части произведения. При-

родный мир, завораживающий героя своими чудесными, тайными, хулиганскими законами, воодушевляет героя, пробуждая в нем поэтически дар. Будучи по природе степным конокрадом, он близок стихии, поэтому воспевает ее, пронизывая каждый свой стих «звериной грустью». Кроме того, как безумный ветер производит хаос в природной среде, так и лирический герой хочет стоять с кистенем в руках, бросая вызов обществу и существующему миропорядку. Разбойник и хам, он воспевает Деревянную Русь с ее степями, синими чашами, сумерками, «лижущими следы человеческих ног» [Есенин, т. 1.: 306], «молоком берез» и рыжим стадом: бушевание природных сил и безграничные просторы наполняют героя *вольнлюбивыми порывами*.

Однако в последних двух стихах лирический герой открывается читателю в новой ипостаси: *разбой как буйное существование вне социальных законов и абсолютное уподобление природе реализован в ином качестве*. «Увядшая» голова героя и песенный плен в буквальном смысле осуждают его «вертеть жернова поэм» на каторге чувств. Но «поэт» для героя не что иное, как кличка, не способная стереть его бунтарский дух, именно поэтому в своих песнях он остается хулиганом. А проводя интертекстуальную связь со стихотворением «В том краю...», можно обнаружить вновь появляющийся образ каторги, олицетворяющий теперь предназначение быть поэтом.

Таким образом, в стихах 1915-1919 гг. появляется новое содержание образа разбойника: на смену фольклорному разбойнику приходит *герой-поэт, испытывающий внутренние коллизии, бросающий вызов традиционному миропорядку*. Неслучайно возникают оппозиции чистоты – греха, святости – богоборчества, темноты – света и т.д. Будучи порывистой, стихийной личностью, способной совершить неожиданный поступок, он является одним из немногих, кто может повлиять на ход времени.

Образ героя-разбойника появляется у Есенина не только в лирике, но и в лиро-эпосе, в частности, поэме «**Пугачев**» (1921 г.). Это уже новый виток в развитии «разбойничьего сюжета». *Смена жанровой формы* (в данном случае это драматическая поэма, предполагающая соединение драматического и эпического начала) влияет и на раскрытие образа героя-разбойника, поскольку жанр – это выражение авторского взгляда на мир. Теперь раскрытие разбойничьей темы будет выражаться в остром конфликте, монологах героя, диалогах персонажей, в слове которых и показано развитие сюжета. Отдельно отметим, что реализацию образа героя-разбойника в данном произведении мы рассмотрим на примере Хлопуши, поскольку, в отличие от остальных

персонажей, именно этот герой является разбойником, как с авторской точки зрения, так и во взгляде на него остальных героев.

С образом Хлопуши-разбойника связан один из основных мотивов произведения – *мотив свободы*. Неслучайно монолог героя начинается со слов: «Сумасшедшая, бешеная кровавая муть! // Что ты? Смерть? Иль исцеление калекам?» [Есенин: 495]. Сумасшедший бунт, погружающий жизнь в стихию хаоса, близок ему самому: озлобленный бродяга, он «несет душу» в лагерь Пугачева, так как чувствует, что именно тут, в духе свободной вольницы, он найдет прибежище. Примечательно, что до этого он сидел в остроге: кандалы, сковывающие его в течение десяти лет, муки, которые он претерпел, превратившись в «теплое мясо», – все это было в прошлом, но теперь он вырвался на волю, и вся энергия «мстью вскормленного бунтовщика» сливается со стихией мятежа.

Стихийность героя проявляется и на уровне речи: его монологи насыщены восклицательными и вопросительными предложениями, в которых находят отражение и лексические повторы, градация и анафоры, («Приведите, приведите меня к нему...», «Я хочу видеть этого человека» «Все равно ведь, все равно ведь, все равно ведь», «Но ведь все ж у вас нет артиллерии? Но ведь все ж у вас пороху нет?»). Эти приемы создают особый ритмический рисунок, передающий эмоциональное напряжение выходящего из себя героя: его слово, становящееся возгласом и криком, – отражение внутренней сущности.

Сильно в герое природное начало. Он питывается «рассветным молоком оренбургской зари», исцеляется от коровьего вымени. Отметим, именно это и определяет стихийность героя. Зарубин сравнивает глаза Хлопуши с «беспокойными цепными кобелями»: персонажи видят эту звериную сущность, поэтому они хотят сделать «подозрительного» и «странного» Хлопушу командиром конницы. В нем они замечают предводителя, такого же, как и Пугачев, чувствуют истинного разбойника. Более того, неслучайным оказывается и то, что свой монолог в главе «Уральский каторжник» начинает Хлопуша со слова «сумасшедшая»: этот эпитет применительно к восстанию, передает и его сущность, он безумен, необуздан.

К тому же, сам бунтовщик уподобляет себя животному, что выражено в поговорках и метафорических высказываниях: «Не сожрешь – так сожрут тебя», «Завтра ж ночью я выбегу волком // человеческое мясо грызть», поскольку в самом бунте как социальном явлении он видит нечто, близкое себе. Будучи по природе хищником, Хлопуша понимает: пугачевцам не взять Оренбург даже «с сотней лихих полководцев»,

только ему это под силу, поскольку он представляет собой антропоморфизированный вариант проявления народной стихии.

Как следует из вышесказанного, Хлопуша является не только во взгляде остальных персонажей, но и с авторской точки зрения настоящим разбойником. Безусловно, это личность харизматичная, сильная, более того, *близкая устремлениям самого Есенина и даже романтизированной* в его одиночестве, в вызове, который он бросает. Дополняют образ и *хронотоп дороги*, с которым связано открытое пространство, захваченный героем, этой все подчиняющей себе стихии, город Оренбург; и *фольклорные формулы* (он «три дня и три ночи» искал умёт, «три дня и три ночи блуждал по тропам»), служащие свидетельством того, что Хлопуша – герой из народной среды.

Таким образом, разбойник поэмы «Пугачев» – *это антропоморфизированный вариант проявления народной стихии*, подчиняющей себе города, энергией мятежника захватывающий территории России. Это герой «из народа», в душе которого живут связи с природными силами. Язык персонажа также отражает его внутреннюю сущность: ритмика и синтаксис указывают, что слово Хлопуши больше похоже на крик.

Подытоживая наблюдения над развитием разбойничьего сюжета и типологией героев-разбойников в творчестве С. А. Есенина, необходимо отметить *движение лирики с присущими ей мотивами свободы, фольклорными мотивами и образами от фольклорного разбойника и поэта-хулигана к исторической теме в финале*. Там герой-разбойник – *личность стихийная, воплощающая в себе стихию бунта в целом, во многом близкая самому автору*. Биографические изменения, перемена в мироощущении и социокультурная среда повлекли за собой развитие взглядов поэта, как следствие, это личностное движение, а также вариации жанровых форм (лирические стихотворения, переходящие в песни, и драматическая поэма) обусловили и модификацию типов героев-разбойников в творчестве С.А. Есенина.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.

Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7-ми томах. – М.: Наука – Голос, 1998. – Т. 1, 3. Все цитаты приведены по этому изданию.

Сергей Есенин. Стихотворения. Поэмы. Повести. Рассказы / под ред. Н. Розмана. – М.: Издательство «Э», 2016. – 736 с.

REFERENCES

Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. – М.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001. – 288 s.

Vezhbitskaya A. Semanticheskie universalii i opisanie yazykov. – М.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999. – 780 s.

Esenin S. A. Poln. sobr. soch.: v 7-mi tomakh. – М.: Nauka – Golos, 1998. – Т. 1, 3. Vse tsitaty privedeny po etomu izdaniyu.

Sergey Esenin. Stikhotvoreniya. Poemy. Povesti. Rassказы / pod red. N. Rozmana. – М.: Izdatel'stvo «E», 2016. – 736 s.

Науч. руководитель: Налегач Н.В., д.ф.н., проф.